

Уйти, Оставшись

После пасхального седера отец выводил маленькую Эстерку во двор и указывал на небо. “Вон там Элинувэ (пророк Элиягу)”, - говорил он ей. “Почему же я его не вижу?”, - спрашивала Эстерка отца. “Потому что ты ходишь по субботам в школу”, - отвечал он. Эстерка действительно ходила в школу в субботу, однако под разными предложениями ничего не записывала. Детство ее, несмотря на то, что родилась она уже после революции в 1922 г, на территории советской Украины, было пропитано еврейской атмосферой. В местечке Красностав, что неподалеку от Славуты в Хмельницкой области, была синагога, роль кантора в которой исполнял ее отец Йосиф Резник. Как свидетельствует его фамилия, он был еще и потомственным шохетом – кошерным резником, а также моэлом. Когда отца не было дома, мать, сомневавшаяся в кошерности курицы, посылала дочь к местному реббе со словами “Гей цу реббе. Фрейг а шайлэ (Пойди к реббе и спроси)”. Еще Эстерка любила бегать к местному аптекарю, который выводил на принесенном ей конверте незнакомые ей английские буквы. “M.Meshorer... HaCongress St... Tel Aviv... Palestine”, повторяла Эстерка, невольно запоминая слова. Её дед карлинский хасид рав Исроэль Зингер (Мешорер), уехавший с территории соседней Польши в Палестину в 1925 г., жил в Тель-Авиве, где работал над несколькими впоследствии опубликованными книгами каббалистического содержания. Его жена и четверо детей жили с ним, трое старших детей - в Америке, и лишь одна дочь Хава и ее семеро детей оставались на Украине. Хава очень хотела уехать в Палестину к родителям, и ее муж Йосиф со старшими сыновьями даже ездили в Москву за разрешением к всесоюзному старосте Михайле Иванычу Калинин, но, получив отрицательный ответ, семья осталась в родном Красноставе.

Сидя за субботним столом, Эстерка зачарованно слушала волшебный голос отца. “Фрайтек аф дер нахт. Из айедер йид а мэйлех, ин йедер винкеле лахт, ин штибл из ах такэ фрейлех. (В пятницу вечером каждый еврей царь, в каждом уголке смех и в доме весело)”. А мать пела популярную тогда песню “Вы бисты гэвын” (Где ты был, когда деньги были и жизнь была сладкой как сахар, а теперь ты здесь и нет ни копейки и жизнь горькая как смерть.)

В 17 лет Эстер покинула родительский дом, как оказалось, навсегда. Она лишь поехала с отцом погостить у старшего брата Бэнюмэна, жившего в городе Овруч Житомирской области. Однако осталась жить у него, поступив на курсы счетоводов, и вскоре устроилась на работу в местный детский дом. Фира, как её называли вне родных стен, страстно любила свою первую работу и связала всю свою жизнь с постукиванием счетов, красным дебитом и черным кредитом, и квартальными отчётами. Но начавшаяся в июне 41-го война прервала её мирный труд, и ей предписано было эвакуироваться с детским домом, в котором она работала. Администрация детдома соглашалась взять и брата с женой и тремя детьми, но он решительно не соглашался ехать. Детдом уже эвакуировали, а Фира всё уговаривала брата ехать с ней. “Мир выл ин-эргц ныт фурн (Мы никуда не поедем)”, - повторял он. Тогда, связав в платок свой нехитрый скарб и отдав половину заработанных денег брату, Фира отправилась на вокзал, сказав брату, что едет к маме. Однако через несколько дней путешествия она оказалась очень далеко от мамы, в селе Усады Высокогорского района Татарской АССР. Мама с папой и младший брат Хаим с сестрой Малкой, как и многие другие родственники, были расстреляны 29-го августа 1941 в числе 735 красноставских евреев, погибших в тот день. Погиб и не хотевший покинуть Овруч брат Бэнюмэн с семьей, а жизнь брата Эзи, служившего в армии, оборвалась на фронте. Таким образом, войну пережили только трое из семи детей Йосифа и Хавы Резник. Кроме Фир, в живых остались братья Йоханан (Яша) и Бенцион (Боря), находившиеся на передовой.

Но тогда Фира знать всего этого не могла, и активно преступила к своим новым обязанностям секретаря усадского сельсовета. Появление еврейской девушки из Украины в русском селе произвело сильное впечатление на местных жителей. “А я думал у явреев рожки”, - с удивлением говорил дежурный сельсовета белокурый паренек Шурка Никифоров, записывая национальность эвакуированной. Фира недолго оставалась единственной еврейкой в селе; к ней вскоре присоединилась прибывшая из-под Одессы, семья Пинтель, с которой она очень сдружилась. Былое недоверие односельчан сменилось уважением и в 1943 году 20-летняя Фира становится председателем усадского сельсовета.

Однажды вечером Фира услышала под своими окнами разговор на идиш. Открыв окно, она увидела двух солдат, одетых в странную форму. То были солдаты формировавшейся в это время на территории СССР польской армии, бог невесть как оказавшиеся в татарской глубинке. Узнав о том, что в деревне живет еврейская девушка, солдаты поспешили познакомиться, сказав, что хотят на ней жениться. “Так который из вас женится?”, - спрашивала их Фира. Солдаты рассказали ей, что по окончании войны собираются эмигрировать в Палестину и звали с собой. Но Фира не связала свою жизнь ни с одним из них, и в апреле 45-го отправилась в Одессу с семейством Пинтель, так как после гибели родителей возвращаться ей было некуда. Найденный через Богуруслан старший брат Яша, обещал забрать ее к себе после демобилизации.

В Одессе она познакомилась со старшим сыном Пинтелей Яковом, чудом выжившим после пулевого ранения в легкое, штрафбата и четырех лагерей военнопленных. Яков, именовавший себя в лагерях Василием Кравченко, немало удивил офицера СМЕРШа своей живучестью. «Так ты жид и остался жив», - сказал ему офицер. Не вынесший обиды Яков опрокинул на обидчика чернильный прибор и в который раз уже готов был распрощаться с жизнью, когда в комнату вошел вышестоящий офицер, разрешивший этот конфликт.

Когда за Фирой приехал брат, чтобы забрать ее к себе в Славуту, Яков вызвался поехать с ними. “Вэр из дэр гой? (Кто этот нееврей?)”, - спросил знакомый славутчанин, завидя Якова на пороге своего дома. 12-го адара 5706, как свидетельствует бережно сохраненная Фирой ктуба, Яков и Фира поженились, и в памяти Якова все 55 лет их совместной жизни оставались произнесенные им под хупой слова “Арей эт мекудешет ли” (Ты посвящаешься мне).

А дальше было возвращение в Одесскую область, рождение дочери Евы, строительство дома на Большом Фонтане, рождение внуков Лёни и Игоря, эмиграция в Америку. Через все эти вехи Фира пронесла нежные воспоминания о своем еврейском детстве, которые старалась передать дочери и внукам. Как рада была она, когда внук Лёня по слогам читал на идиш из книжки Шолом-Алейхема “Мальчик Мотл” или уже увереннее из газеты “Форвертс”, который она регулярно читала в Америке. Как выступали на ее глазах слезы, когда она слышала слова песни “Эхад Ми Йодеа”, на проводимом ее внуками пасхальном седере. Её еврейство не было чем-то идеологическим; она была далека от понимания различий между течениями иудаизма, она лишь бережно хранила то, что принесла из отчего дома.

14-го июня 2012 года перестало биться её сердце. Остались воспоминания, фотографии, записи, и пусть одна из них, сделанная еще твердой рукой Фиры, послужит напутствием нам: “Не живи уныло. Не жалей, что было. Не гадай, что будет. Береги, что есть”.